ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ

ЛЮСЯ ГЕРАСИМЕНКО

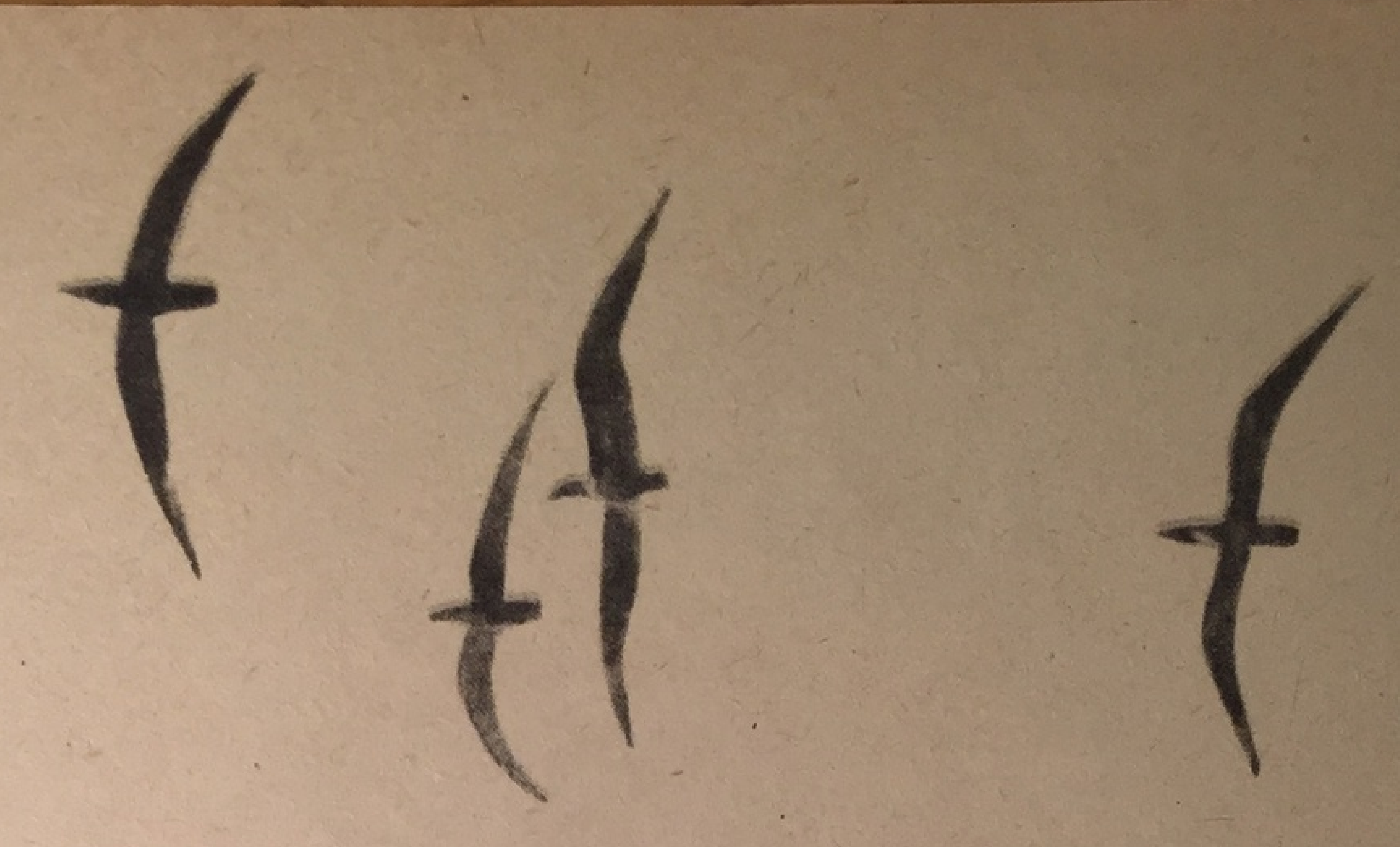
П. ТКАЧЁВ

ЛЮСЯ ГЕРАСИМЕНКО

Издательство „МАЛЫШ“ • Москва • 1981

Она не спускала под откос вражеские эшелоны, не взрывала цистерны с горючим, не стреляла в гитлеровцев...

Она была ещё маленькой, пионеркой. Звали её Люсей Герасименко.

Но всё, что она делала, приближало день нашей победы над фашистскими захватчиками.

О ней, славной белорусской пионерке, наш рассказ.

Засыпая, Люся напомнила отцу:

— Папка, не забудь: разбуди меня пораньше. Пешком пойдём. Я цветов соберу. Два букета — тебе и маме.

— Хорошо, хорошо. Спи! — Николай Евстафьевич поправил простыню и, поцеловав дочку, погасил свет.

Минск не спал. В открытое окно тёплый июньский ветер доносил музыку, смех, стук проходящих трамваев.

Николаю Евстафьевичу нужно было подготовить документы о проверке работы партийной организации завода им. Мясникова. В понедельник бюро райкома. Он захватил папку и пошёл на кухню. Там хозяйничала жена: завтра всей семьёй собирались побывать за городом. 22 июня — открытие Минского озера.

— Ну, у меня всё готово, — сказала Татьяна Даниловна. — А ты что, ещё работать будешь?

— Немножко посижу. Иди отдыхай... — Николай Евстафьевич раскрыл папку.

Побывать семье Герасименко на открытии озера не удалось.

Утром, когда они уже вышли из дома, их нагнал мотоциклист:

— Товарищ Герасименко! Николай Евстафьевич! Вас срочно вызывают в райком.

— Почему? — удивился Николай Евстафьевич. — Ведь сегодня воскресенье?

— Причины вызова не знаю. — Мотоциклист надвинул на глаза очки. — До свидания.

— Папка, а как же озеро? — на глазах Люси стояли слёзы.

— Я скоро, дочка, вернусь, и мы ещё успеем.

Но вернулся домой Николай Евстафьевич только поздней ночью. Люся и Татьяна Даниловна были во дворе, где собрались почти все жильцы их дома. Люди тихо переговаривались. Всех ошеломила, придавила страшная весть: «Гитлеровская Германия напала на СССР». И, хотя в Минске пока было спокойно, все знали: там, на границе, идут тяжёлые бои, там сражаются, погибают сыновья, мужья, братья, там умирают близкие люди.

С особым вниманием отнеслись и взрослые и дети к старушке Прасковье Николаевне. Её сын, которого все звали Петей, был командиром Красной Армии и служил в Брестской крепости, а там, как передавали по радио, шли жестокие бои. И, может, вот сейчас, когда они мирно разговаривают, Пётр Иванович подымает в атаку бойцов.

— Люся! — тихо позвал Николай Евстафьевич. — Скажи маме, что я пошёл домой.

Вскоре вся семья, не зажигая огня, ужинала на кухне. Ужинали молча. Даже Люся, любившая поговорить с отцом о том, что её волновало, притихла, как-то в один день стала не по годам серьёзной и задумчивой.

— Вот что, мать, — сказал Николай Евстафьевич, вставая из-за стола, — подготовь необходимое тебе и Люсе, и нужно эвакуироваться.

Мама чуть слышно заплакала. А Люся спросила:

— Теперь, мама, я, наверно, в лагерь не поеду?

— Разобьём фашистов, дочка, тогда пошлём тебя в самый лучший лагерь.

— В Артек?

— Конечно, в Артек. Помогай тут маме. Может, завтра машина подбросит вас за Минск. Мне пора. Ночевать буду в райкоме.

Стукнула дверь. Было слышно, как Николай Евстафьевич сходил по ступенькам. Вскоре всё стихло.

И вдруг совсем непривычным голосом заговорило радио:

— Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!

Где-то на окраине Минска загрохотали зенитки, тёмное небо прорезали лучи прожекторов.

Люся с мамой спустились в бомбоубежище.

На следующий день радио без конца повторяло эти слова. А в воздухе над Минском наши истребители вели бои с фашистскими самолётами. Бои продолжались и ночью, и на следующий день.

Семья Герасименко не смогла эвакуироваться.

Город заняли гитлеровцы.

Наступили чёрные дни фашистской неволи. Они тянулись долго. День казался месяцем, месяц — годом.

Минск не узнать. Многие здания разрушены, сожжены. Кругом горы битого кирпича, руины, огромные воронки от бомб, снарядов.

Город вымер, притих, но не покорился.

Взлетают на воздух цистерны с горючим.

Летят под откос вражеские эшелоны.

Раздаются выстрелы из руин.

Из лагерей убегают военнопленные.

На столбах, заборах, стенах уцелевших домов появляются листовки... Взрослые, старики и дети поднялись на борьбу с ненавистным врагом.

Уже в самом начале оккупации в Минске начал действовать подпольный горком партии. Его возглавил Исай Павлович Казинец — Победит, как звали его в народе.

Одной из подпольных групп руководил Николай Евстафьевич Герасименко.

...В тот год в сентябре стояли тёплые дни. Только что прошёл небольшой дождик и прибил пыль. Воздух стал немного чище. Николай Евстафьевич открыл окно. Потянуло свежестью и запахом от недавно потушенного пожарища. На улице показался гитлеровский патруль — солдаты с автоматами на груди. Руки на спусковых крючках. Вот повстречали они старушку. Окружили. Лезут в корзинку, а один наводит автомат и кричит:

— Пук! Пук!

Старушка испуганно крестится, а немцы, уходя, гогочут.

До Николая Евстафьевича доносится чуть шепелявый голос старушки:

— Ироды! Душегубы!

«Пора», — думает Николай Евстафьевич и зовёт Люсю:

— Дочка! В добрый час! Ничего не забыла?

— Нет, папка!

— Хорошо. А ты, мать, чай готовь. В случае чего — праздник у нас. День твоего ангела отмечаем.

Люся выходит во двор. Присаживается на приступках и раскладывает свои игрушки: куклы, ваньку-встаньку, разноцветные лоскутки. Какое ей дело до того, что в другом конце двора появились мальчишки, а мимо проходят взрослые люди. Со стороны может показаться, что, кроме вот этих игрушек, ничего не интересует девчонку.

Но это не так. Люся внимательно следит за всем, что происходит вокруг. Она не просто играет, она на посту.

Вот показался знакомый их семьи, дядя Саша — Александр Никифорович Дементьев. Он вместе с папой работает на заводе.

— На отремонтированных нами машинах фашисты дальше могилы не уедут, — сказал однажды Люсиной маме дядя Саша, — утильсырьё делаем, Татьяна Даниловна.

Но папа не сказал, должен ли быть дядя Саша.

— Как дела, Люся? — спросил Александр Никифорович.

— Ничего, — девочка поднялась. — А дома... — Но не успела Люся сказать, что в квартире никого нет, дядя Саша перебил:

— Мама мне нужна, может, она муку покупать будет.

Это был пароль.

— Она дома...

Подошла незнакомая тётя. Остановилась.

— Девочка, муку мама покупать не собирается?

— Собирается. Зайдите в двадцать третью...

Потом снова тёти, дяди...

«Восемь — кажется, все», — Люся облегчённо вздохнула и принялась расплетать правую косичку.

Девочка знала, что за ней сейчас наблюдает из окна папа. А она сообщает ему: никого нет, занимайтесь своим делом. А вот если Люся возьмётся за левую косичку, тогда опасность: во дворе чужие, незнакомые люди — будьте осторожны!

Но пока никого нет, и она старательно заплетает правую косичку.

А в квартире Герасименко шло совещание подпольной группы. Коммунисты решали, как лучше вести борьбу с фашистами. Пусть захватчики не знают покоя ни днём ни ночью.

Во дворе послышались голоса. Николай Евстафьевич выглянул в окно: Люси на приступках не было. Она стояла посредине двора в окружении девчонок и мальчишек и держала в руках правую косичку. Вот она повернула голову, взгляды их встретились.

Николай Евстафьевич кивнул: молодец, мол. Совещание продолжалось, а Люся со своими подружками играла в классы.

— Вот, товарищи, пожалуй, и всё. Значит, наладить выпуск листовок — раз, подготовить документы для военнопленных — два, снабдить их оружием — три... — Но не успел закончить Николай Евстафьевич, как послышалась невинная детская песенка:

— Баба сеяла горох: прыг-скок, прыг-скок.

— Жена! Быстро на стол всё, что есть. — А заметив удивлённый взгляд Александра Никифоровича Дементьева, пояснил: — Во дворе появились гитлеровцы. Люся сигнал подаёт. Волноваться не стоит — мы отмечаем, как теперь говорят, день ангела Татьяны Даниловны...

И так было всякий раз, когда в квартире Герасименко проводились совещания подпольщиков или печатались листовки.

С каждым днём труднее становилось вести подпольную работу. Гитлеровцы свирепствовали: непрестанно проводились облавы, аресты. Взрослому человеку трудно было пройти по городу, чтобы не подвергнуться обыску. А уж если ты несёшь какой-то свёрток или в руках сумка — развернут, всё перероют.

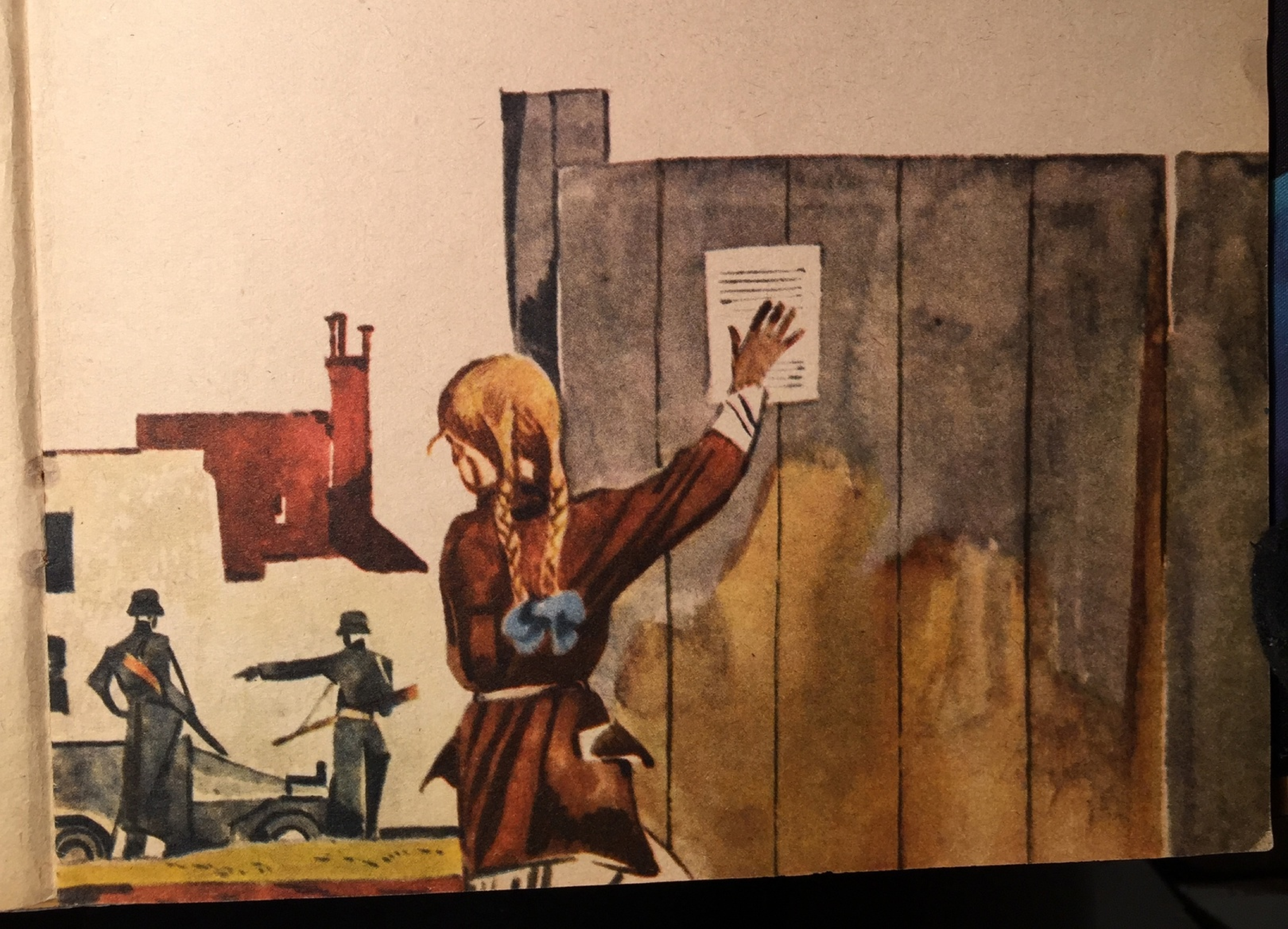
Люся стала незаменимым помощником. Она выполняла самые различные поручения отца.

То относила листовки или медикаменты в условное место, то передавала донесения, то расклеивала листовки на столбах, заборах, стенах домов. Всё просто и в то же время сложно. Один неосторожный шаг, только один, — и смерть. От гитлеровцев пощады не ожидай... Люся это прекрасно понимала. И не только понимала — она видела собственными глазами...

Как-то перед Октябрьскими праздниками девчонки во дворе шёпотом передали:

— В Центральном сквере немцы партизан повесили. Один, говорят, совсем ещё мальчик.

И никто не заметил, как побледнело Люсино лицо, а кулачки сами по себе сжались...

Вечером Люся слышала, как папа говорил маме:

— Повесили Ольгу Щербацевич и её сына Володю. Она лечила раненых военнопленных, а затем вместе с сыном переправляла их к партизанам... Выдал предатель.

Люся понимала, что подобное может случиться и с ней, понимала и всё-таки шла выполнять новые задания подпольщиков. Так нужно было, нужно было для победы над ненавистными фашистами. Только надо быть осторожной. Об этом её без конца предупреждают мать и отец. Люся соглашается, но про себя добавляет: «И находчивой». Как она за нос водит охранников завода, где работают её отец и дядя Саша. Раньше они сами проносили на завод листовки. Тогда гитлеровцы стали проводить усиленный обыск всех, кто шёл на завод. Дальше рисковать было опасно.

— Что нам предпринять? — говорил отец Александру Никифоровичу на следующий день, когда тот зашёл за ним. — Что? Ведь после листовок люди воспрянули духом!..

Но взрослые ничего не придумали. Придумала Люся. Иногда она

носила на завод отцу обед. Обед не ахти какой — каша там или картошка в кастрюльке. Охранники к Люсе хотя и привыкли, но почти каждый раз обыскивали её довольно тщательно.

Так было и на этот раз. Полицай презрительно выплюнул окурок и спросил:

— Что несёшь?

— Обед отцу, дяденька, — ответила спокойно Люся. — Посмотрите. — И она раскрыла корзину: — В кастрюльке каша, а вот хлебушек. Больше ничего нет.

В корзинке действительно больше ничего не было.

Полицай пошарил в карманах — кроме двух цветных стёклышек, тоже ничего не нашёл.

— Ну, иди! — грубо сказал он. — Болтаются тут всякие.

Люся облегчённо вздохнула и направилась в цех, где работал её отец. Перерыв только начался. Николай Евстафьевич удивился, ведь сегодня обед он взял с собой.

— Что случилось, Люся? — взволнованно спросил он.

— А ничего. Кашу вот принесла, — и тихонько добавила: — На дне кастрюли...

На дне кастрюли в целлофановой бумаге лежала пачка листовок. И что потом ни делали гитлеровцы — листовки регулярно появлялись на заводе.

А Александр Никифорович при каждой встрече как бы в шутку говорил:

— Вкусная, дочка, каша и сытная. Очень! Полкастрюльки, а почти весь завод сыт. Ещё и другим перепадает...

Смелость, находчивость не раз выручали Люсю. И не только её, а и тех людей, которым она передавала листовки, документы, оружие.

Однажды вечером отец сказал ей:

— Завтра, дочка, отнесёшь вот эти документы и листовки Александру Никифоровичу. Он тебя будет ждать на мосту в 3 часа дня. К нам зайти он не успеет.

И вот Люся идёт по набережной. Затем поворачивает к улице Красноармейской. Так ближе. Уже и мост виден. Сейчас она встретит Александра Никифоровича и всё передаст. А вот и он идёт. Люся ускоряет шаг, но тут же замечает: шагах в пятидесяти за Александром Никифоровичем идёт фашистский патруль.

Что делать? Сейчас они встретятся. Передать она не сможет — это ясно. Фашисты заметят и сразу же арестуют. А не передать — нельзя. Ведь эти документы нужны людям. Что делать? Что? Бешено колотится сердце, в голове один за другим созревают планы. Но они совершенно не реальны... Ага... Люся ставит корзинку на землю: у неё расплелась косичка. Левая. Надо ведь заплести её. Нехорошо, когда девочка неаккуратная.

Александр Никифорович понял: опасность. Остановиться нельзя. Проходит мимо неё и в это же время слышит шёпот.

— На Фабричной, третье дерево... третье дерево.

«Фабричная, третье дерево», — повторил мысленно Александр Никифорович и прошёл дальше.

Потом, на Фабричной улице, он без всякого труда находит третье дерево — невысокую кучерявую липку, а под ней закопанные в земле документы и листовки.

В тот же день, как и было решено подпольным комитетом, пленные красноармейцы, получив документы, беспрепятственно покинули Минск и направились в партизанский отряд.

Так шёл день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем, пока провокатор не выдал семью Герасименко. Это случилось 26 декабря 1942 года...

Уже третьи сутки Григорий Смоляр, секретарь подпольного райкома партии, действовавшего в районе гетто, уходил от погони. На квартире, где он жил, фашисты устроили засаду, но старушка-соседка успела предупредить. Пришлось вернуться. Но куда идти? Есть ещё явочная квартира — в районе Червеньского рынка, да скоро 9 часов вечера — полицейский час! Не успеть! Оставалось одно — забраться в подвал какого-нибудь разрушенного дома и там скоротать до утра время. Не впервой. Правда, холодно — на дворе декабрь, но что поделаешь.

Вторую ночь тоже пришлось коротать в подвале. На явочной квартире, на которую он рассчитывал, ему грозила опасность. Об этом говорил условный сигнал — на подоконнике не было цветов.

Надо что-то предпринимать, что-то решать.

Был ещё один адрес — улица Немига, дом 25, квартира 23. Спросить: «Тут живёт Люся?» Но его предупредили: этот адрес на самый крайний случай, когда уже нет никакого выхода. Иного выхода у Смоляра не было.

Дверь открыла невысокая девочка с косичками.

— Вам кого? — спросила.

— Тут живёт Люся?

— Да, это я, проходите, — Люся улыбнулась. — Только сейчас никого нет. — Мама ушла в город, а папа на работе.

— Ничего... Я немного отдохну, да вот побриться бы мне, — и Григорий показал на свою бороду.

Люся быстро согрела воды, приготовила бритву. За трое суток Григорий Смоляр основательно зарос. Вскоре вернулся Николай Евстафьевич.

— А, товарищ Скромный! Здравствуй!

Потом они ужинали, а Люся гуляла во дворе. Но не просто она гуляла: нужно было узнать, не вызвал ли у кого из соседей подозрения приход товарища Скромного. Люди, знакомые и незнакомые, проходили мимо Люси, и никто не спрашивал ничего. Значит, всё в порядке. Прошло уже порядочно времени — можно возвращаться домой.

А на кухне в это время шёл разговор:

— Вам надо, товарищ Скромный, день-два переждать: подготовим надёжные документы, а тогда переправим в партизанский отряд. Только вот где вас устроить — ума не приложу. Наши явочные квартиры заполнены — готовим партизанским отрядам пополнение.

— Папка, всё в порядке, — сказала, входя в кухню, Люся. — Никто ничего не спрашивал.

— Хорошо. И всё-таки, куда вас определить?

— А пусть дядя Скромный со мной поживёт. Мы поместимся. — Люся внимательно смотрела на отца.

— Ну что ж, — раздумывая, сказал Николай Евстафьевич, — пусть. — И, обращаясь к Григорию Смоляру, добавил: — Эта комната выходит на другую улицу — Революционную. Имейте это в виду.

Несколько дней пришлось прожить Григорию Смоляру на квартире Герасименко. За это время он написал несколько листовок, которые тут же были отпечатаны на пишущей машинке и с помощью Люси отправлены по назначению — в гетто. Подготовил два материала для подпольной газеты «Звезда». Люся тоже смогла передать их по адресу.

Благодаря Люсе он смог также связаться с членами подпольного райкома.

На четвёртый день пребывания Григория Смоляра на квартире Герасименко вечером в комнату вошла радостная Люся.

— Вот, — протянула она пакет. — Папа передал. Завтра на Сторожевом рынке встретитесь с одним человеком...

Григорий развернул пакет — там были немецкие документы на его имя. Глядя на неё, невысокую, белокурую, с большими голубыми

глазами, он восхищался: сколько выдержки, смелости и энергии у этой одиннадцатилетней девочки.

Ему захотелось обнять её и сказать:

«Ты же не знаешь, Люся, какая ты героиня!» — но он сдержался и сказал просто:

— Спасибо тебе, Люся!

...Ночью раздался страшный стук в дверь. Григорий вскочил с кровати, выхватил из-под подушки пистолет.

— Передайте вот это Николаю или его товарищам. Тут документы, листовки... Уходите через окно, — шёпотом сказала Татьяна Даниловна.

— А вы?..

— Уходите, дядя! — послышался голос Люси. — Они скоро ворвутся!

...Через некоторое время, подталкивая прикладами автоматов, гитлеровцы вывели во двор Татьяну Даниловну и Люсю. Девочка была почти раздета. Прижимая к себе, мать заботливо укутывала её платком.

За ними один гитлеровец нёс пишущую машинку, другой — радио-

приёмник, а третий, в штатском, мелко семеня ногами, подбежал к длинному в очках офицеру, что-то сказал, а затем протянул ему... При свете фонарика Люся увидела галстук. Свой пионерский галстук, тот самый, что ей повязывала вожатая Нина Антоновна.

Люся бросилась к офицеру:

— Отдай, гад!

Но не успела... Ударом сапога фашист сбил Люсю с ног.

— Партизанен! — закричал немец и что-то приказал по-немецки.

Мать и дочь втолкнули в машину...

Всё это видел Григорий Смоляр, видел и ничего не мог сделать. Один против двух десятков гитлеровцев — тоже воин, но только если в его руках не пистолет, в котором семь патронов, а автомат...

Татьяну Даниловну и Люсю бросили в 88-ю камеру, где уже находилось 50 с лишним женщин.

Это были жёны, родные и близкие минских подпольщиков.

Женщины подвинулись — в углу освободили местечко.

— Присаживайтесь, — сказала невысокая черноволосая женщина, — в ногах правды нет.

Чтобы согреться, Люся прижалась к маме.

— За что вас? — спросила одна из соседок.

— В город вышли без пропуска, — ответила Люся.

Мама чуть заметно улыбнулась — дочка хорошо запомнила наказ отца: чем меньше в тюрьме будут знать, за что сидишь, тем лучше. Гестаповцы могут и провокатора подослать.

Через несколько дней Татьяну Даниловну вызвали на допрос. Люся попыталась было кинуться вслед за мамой, но её грубо оттолкнул конвоир. Девочка упала на цементный пол. К ней подошла женщина, которую все уважительно звали Надеждой Тимофеевной Цветковой. Она была женой коммуниста-подпольщика Петра Михайловича Цветкова.

— Успокойся, дочка, — тихо сказала Надежда Тимофеевна, — успокойся. Не надо...

Это были первые и последние Люсины слёзы в тюрьме. Больше она никогда не плакала.

Прошло часа два. Люсе показались они вечностью. Наконец дверь открылась — ввели Татьяну Даниловну. Она прислонилась к стене. Одежда была изорвана — на теле видны кровавые следы побоев.

Люся бросилась к маме и помогла ей сесть. Никто ни о чём не спрашивал.

Женщины молча освободили место на нарах.

Вскоре дверь снова открылась:

— Людмила Герасименко, на допрос!

Люся сначала не поняла, что вызывают её.

— Люся, тебя! — подсказала Надежда Тимофеевна.

— О, боже! Хоть бы она выдержала, — шептала Татьяна Даниловна.

Её повели тёмным длинным коридором и втолкнули в какую-то дверь. Лучи яркого зимнего солнца больно ударили по глазам.

— Подходи ближе, девочка, — послышался очень ласковый голос. — Не беспокойся.

У окна стоял невысокий человек в штатском. Он внимательно смотрел на Люсю, как бы изучал её.

— Ну что ты такая несмелая. Садись вот сюда, — человек указал на стул. — Вот конфеты. Бери. — И он подвинул к ней красивую коробку.

Девочка посмотрела на конфеты, потом на человека.

Сколько ненависти было в её глазах. Человек как-то съёжился, сел за стол и спросил:

— Скажи, кто передал вам машинку?

— Купили до войны ещё.

— А откуда радиоприёмник?

— Он поломан. Только коробка...

— А кто приходил к вам?

— Многие.

Человек оживился.

— Назови мне имена, фамилии. И расскажи, что они делали у вас.

— Алик, Катя, Аня... мы играли в куклы. Фамилии Алика — Шурпо, а Кати...

— Я не о них спрашиваю! — заорал человек. — Кто из взрослых? Взрослых называй!

— Взрослых?.. Взрослые не приходили.

— Врёшь!

Человек выскочил из-за стола и начал бить её по лицу.

— Отвечай! Отвечай! Отвечай!

Но она молчала. Молчала и тогда, когда гестаповец, избивая её плетью, вырывал волосы, топтал ногами.

...В камеру она вошла, еле передвигая ноги, но с высоко поднятой головой и чуть заметно улыбалась. Все видели, что нелегко ей давалась эта улыбка.

Татьяну Даниловну и Люсю на допросы вызывали почти каждый день и почти каждый раз страшно избивали. А после одного допроса в камеру Люсю внесли почти без сознания. Внесли и кинули на пол. Женщины заботливо уложили её на нары. Внутри всё горело. Очень хотелось пить. Очень хотелось кушать. Хотя бы маленький кусочек хлеба. Совсем маленький. Арестованных почти не кормили — в день давали ложек десять какой-то баланды...

И ещё очень хотелось спать. В камере арестованных набито битком. Ночи коротали полусидя, прислонясь один к другому. Только слабые и больные лежали на нарах.

— Отсюда нам всем, родненькие, одна дорога — на виселицу, — словно сквозь сон слышала Люся чей-то горячий шёпот. — Одна...

Нет, была и другая — надо рассказать фашистам о том, что знаешь. Будешь жить, кушать, спать, любоваться синим небом, загорать на солнышке, собирать цветы. А как их Люся любила собирать! Ранней весной на лесных полянках голубыми глазами смотрят на тебя подснежники, а ближе к лету весь луг усеян колокольчиками...

— Не хочу цветов, — шепчут потрескавшиеся губы девочки. — Не хочу! Не надо их. Пусть будут на свободе папа и его друзья. А если они там будут, на воздух будут взлетать фашистские составы, по ночам раздаваться выстрелы. Минск будет жить и бороться!

— Наверно, бредит, — над Люсей кто-то склоняется и гладит запёкшиеся от крови волосы.

Люся хочет поднять голову и крикнуть, что она не бредит, но голова почему-то очень тяжёлая, и страшно горит тело.

Однажды, когда Люсю вели на очередной допрос, по коридору гнали арестованных мужчин. Среди них девочка с трудом узнала Александра Никифоровича Дементьева. Поравнявшись с ним, Люся шепнула:

— Когда увидите папу — передайте, что я и мама ничего не сказали.

Через несколько дней после встречи с Александром Никифоровичем Люсе и Татьяне Даниловне приказали собираться с вещами. Их вывели во двор тюрьмы. Ярко светило солнце. Было очень холодно. Но ни Люся, ни мама холода не замечали. Их подвели к чёрной крытой машине — «ворону», как её называли. Значит, повезут на расстрел.

— Ироды! Хоть ребёнка пожалейте! — закричала Татьяна Даниловна. Заволновались и другие арестованные.

— Шнель! Шнель! — орали гитлеровцы, загоняя в машину людей прикладами.

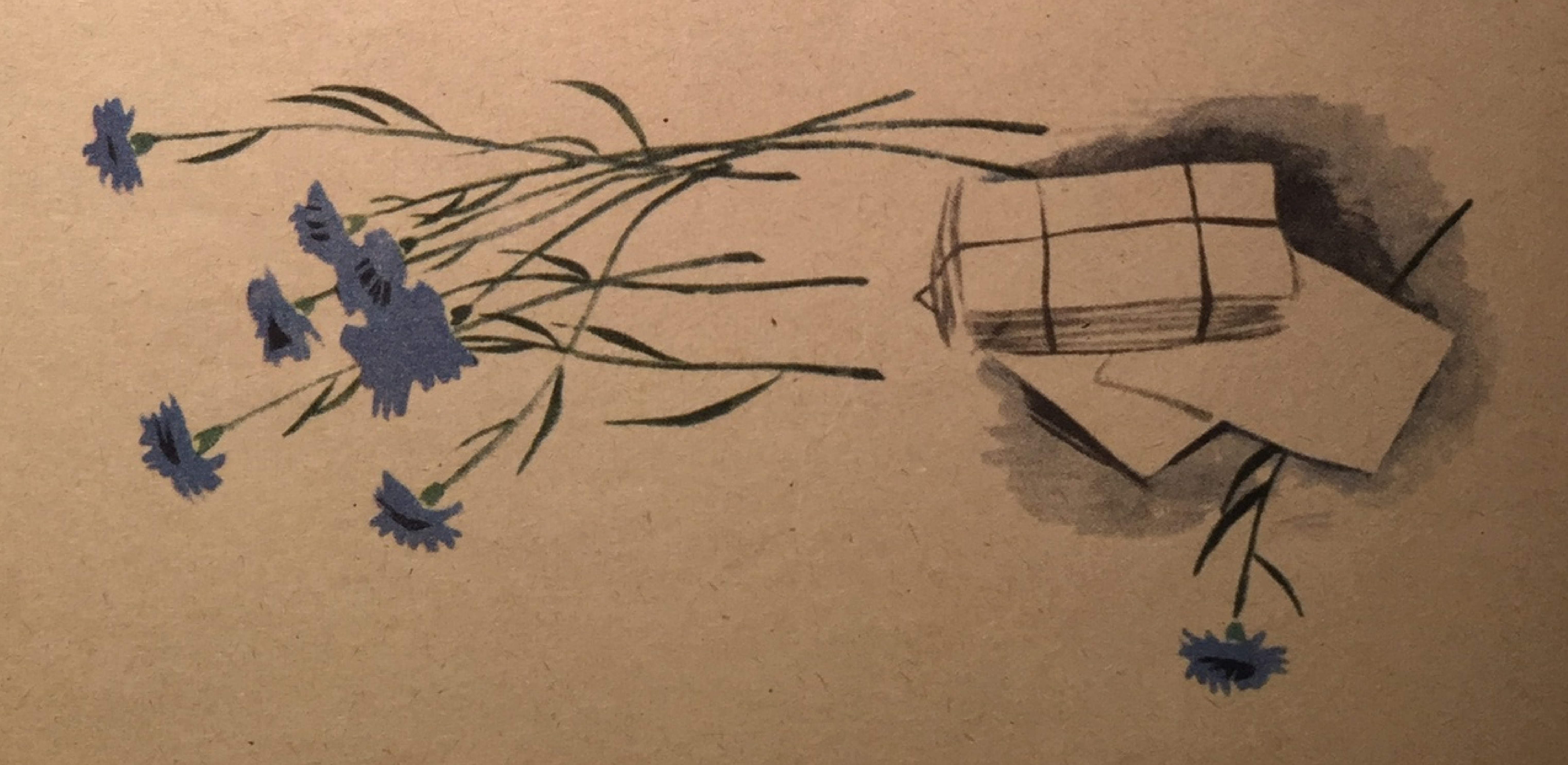
Девочка взялась за поручни, не спеша влезла по железной лесенке и шагнула в машину...

Так погибла Люся Герасименко.

Имя юной патриотки Люси Герасименко навечно занесено в Книгу почёта Белорусской республиканской пионерской организации имени В. И. Ленина.

В одном из залов музея Великой Отечественной войны, что находится в Минске, висит её портрет.

Имя юной героини носят многие пионерские отряды республики.

25 к.

Для младшего школьного возраста

Павел Иванович Ткачёв

ЛЮСЯ ГЕРАСИМЕНКО

Художник В. Юдин

Редактор О. Лебедев. Художественный редак.ор О. Ведерников
Технический редактор Е. Соколова. Корректор С. Бланкштейн
Сдано в набор 30.03.78. Подписано в печать 18.07.80. 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура джил-санс.
Печать офсет. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 3,21. Тираж 150 000 экз. Изд. № 872. Заказ № 264. Цена 25 к.
По оригиналам издательства «Малыш». Москва. К-55, Бутырский вал, 68.
Московский комбинат игрушек Российского промышленного объединения по производству
игрушек «Роспромигрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР
Москва, А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28

Т $\frac{70802-295}{М\ 102\ (03)-80}$ без объявл.

